

83,3(2 РОС = РУС) 1

РНБ

8(с) Р89

3.34⁴⁹

РУССКАЯ З298.

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

о произведенияхъ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

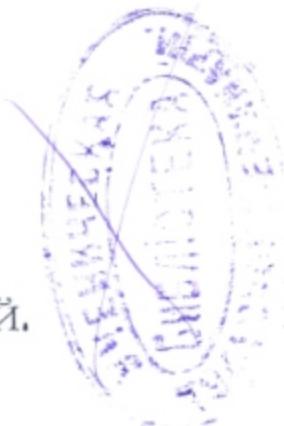

Хронологический сборникъ критико-
библіографическихъ статей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СОБРАЛЬ И ИЗДАЛЬ

В. Зелинский.

издание третье.

МОСКВА.

Типография М. Блокъ, Кудринская площадь, домъ Курносовыхъ.

1905.

158667 - 110

НБ

ОГЛАВЛЕНИЕ

третьей части „Русской критической литературы о произведенияхъ
Л. Н. Толстого“.

Критика шестидесятыхъ годовъ.

1866-й годъ.

„Тысяча восемьсотъ пятый годъ“.

Критическая статьи:

Изъ „Книжнаго Вѣстника“	1
Н. Страхова. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	5

1867-й годъ.

Статья Н. Ахшарумова, подъ заглавиемъ: „1805-й годъ“,
соч. графа Льва Толстого. Изъ „Всемірнаго Труда“ 28

1868-й годъ.

„Война и Миръ“.

Критическая статьи:

Л. Н. Толстого, подъ заглавиемъ: „Нѣсколько словъ по поводу книги: <i>Война и миръ</i> “. Изъ „Русскаго Архива“	42
Изъ „Голоса“ за 1868 г., № 105	54
П. Аиненкова, подъ заглавиемъ: „Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: <i>Война и Миръ</i> “. Изъ „Вѣстника Европы“	60
П. Щебальского: Изъ „Русскаго Вѣстника“	89
А. Пятковскаго, подъ заглавиемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого“. Изъ „Недѣли“	104
Изъ „Дѣла“ за 1868-й годъ	141
С. Сычевскаго, подъ заглавиемъ: „Очерки новѣйшей русской литературы. <i>Война и Миръ</i> гр. Л. Н. Толстого“. Изъ „Одесскаго Вѣстника“	148
М. Цебриковой, подъ заглавиемъ: „Наши Бабушки“ (по поводу женскихъ характеровъ въ романѣ <i>Война и Миръ</i>). Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	155
Н. Ахшарумова. Изъ „Всемірнаго Труда“	162
С. Навалихина, подъ заглавиемъ: „Изыщный романистъ и его изыщные критики“. Изъ „Дѣла“	186
Алфавитный указатель Именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ (въ началѣ книги)	V.

Алфавитный указатель

именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ.

Авдѣевъ. 153.	„Вѣбаламучнное Море“, Ни-
семскаго. 1.
Александръ I. 50, 61, 69,
78, 83, 84, 86, 88, 89,
92, 103, 106, 115—117,
119, 123—126, 136, 137,
141, 146, 187, 200, 205.	Винесъ. 95.
Анненковъ, Н. 60—89.	Воейковъ. 128.
Аракчеевъ. 62, 85, 136, 137,
141, 146, 167, 181, 187.	Вольтеръ. 135, 156, 160.
Армфельтъ, бар. 128.	Волынскій. 165.
Арсеньевъ, проф. 136.	„Воспоминанія“, Панаева. 136.
Ахшарумовъ, Н. 28—42,
162—185.	„Вошествіе на престоль Ими-
Николая“, соч. бар. Корфа.
124.
Багратіонъ. 39, 63, 68, 134,
140.	„Всемірный Трудъ“. 28, 162.
Байронъ. 164.	„Вѣстникъ Европы“. 60, 187,
189, 197, 200, 202.
Балашовъ. 101, 128.	Галаховъ. 138.
Барклай-де-Толли. 184.	Гервиусъ. 76.
Бахъ. 19.	Глинка. 48.
Бѣрнѣ. 150.	Гоголь. 43, 54, 55, 105,
107, 108, 114, 157.
Бестужевъ. 133.	Годуновъ, Борисъ. 164.
„Библіотека для Чтенія“. 2.	Голицынъ. 135, 136.
Биронъ. 165.	„Голосъ“. 54—60, 105.
„Битва русскихъ съ кабардин-
цами“. 207.	Голуховский, гр. 105.
Богдановичъ. 11.	Гомеръ. 204.
Болговскій. 128.	Гончаровъ. 1, 55.
„Бородино“, Лермонтова. 154.	Грейгъ. 106.
„Будильникъ“. 154.	Григорьевъ, Аи. 2.
Булгаковъ, А. Я. 128, 129.	Гюго, В. 149, 151.
Бѣлинскій. 108.	Данилевскій. 142.
Верещагинъ. 132.	„Двѣнадцатый Годъ“, Данилев-
скаго. 142.
	Державинъ. 126, 130.
	Диккенсъ. 149, 189.

- Дмитріевъ. 106.
 Дмитрій Самозванецъ. 164,
 172.
 Долгорукіе. 165.
 Достоевскій. 1—3, 43, 55,
 107.
 Дюрерь, Альбертъ. 98.
 „Дѣло“. 141—148, 185.
 „Дѣтство“. 1, 118.
 Екатерина II. 110, 123, 128,
 129, 135.
 Жерье. 128.
 „Журналъ Минист. Нар. Пропаганды“. 138.
 Завадовскій. 125.
 Загоскинъ. 139.
 Зандъ. 136.
 „Записки изъ подполья“, Достоевскаго. 2.
 Зарянко, акад. 103.
 „Изящный романистъ и его изящные критики“, статья С. Навалихина. 186—210.
 „Иліада“, Гомера. 204, 205.
 „Искра“. 154.
 „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого“, статья А. Н. Пятковскаго. 104.
 „Исторические и эстетические вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“, статья П. Анненкова. 60—89.
 Іоаннъ Грозный. 164.
 Іосифъ II. 135.
 „Казаки“. 3, 79.
- Кайдановъ. 147.
 Камминсъ. 149.
 „Капитанская Дочка“, Пушкина. 56.
 Карамзинъ. 126, 127, 130,
 134, 138.
 Карль XII. 133.
 „Книжный Вѣстникъ“. 1—5.
 Ковалевскій. 136.
 „Король Лиръ“, Шекспира. 151.
 Корфъ, бар. 124, 126.
 Костомаровъ. 148.
 Коцебу. 136.
 Кочубей, кн. 124.
 Кошелевъ, Р. А. 128.
 Кравцовъ. 1.
 Краевскій. 105.
 Крыловъ. 123.
 Кутузовъ. 39, 46, 62, 63,
 69, 78, 99, 117, 134, 140,
 184, 187, 208.
 Лагарпъ. 123.
 Лермонтовъ. 154.
 Липrandi. 105.
 Лувель. 136.
 Людовикъ XIV. 32.
 „Люцернъ“. 3, 22.
 Магницкій. 128, 135, 136.
 Макъ. 39, 91.
 Маринъ. 128.
 Марія Феодоровна, имп. 46.
 „Матеріалы для исторіи образования въ Россії“, Сухомлинова. 130.
 Меньшиковъ. 165.
 „Мертвый Домъ“, Достоевскаго. 43, 55, 107.

- „Мертвые Души“, Гоголя. 43, 107, 108.
 Михайловский-Данилевский. 23, 48, 49.
 Михайловъ. 152.
 Муравьевъ-Карской, Н. Н. 47.
 Муравьевъ, Н. 138, 139.
 „Набѣгъ“. 23.
 Навалихинъ, С. 186, 210.
 „Наканунѣ“, Тургенева. 157.
 Наполеонъ I. 31, 37, 44, 45, 49—52, 57, 70, 82—84, 86, 94, 105, 110, 112, 115—119, 131—133, 135, 141, 147, 152, 153, 184.
 Наполеонъ III. 133, 134.
 „Наши Бабушки“, статья Николаевой (Цебриковой). 155—162.
 „Недѣля“. 104.
 Некрасовъ. 112, 133.
 Несторъ. 205.
 Никита Безылловъ (псевд.). 2.
 Николаева (М. К. Цебрикова). 155—162.
 Николай, ими. 124.
 Николай Павловичъ, вел. кн. 136.
 Новосильцевъ. 124.
 „Нѣсколько словъ по поводу книги: „Война и Миръ“, статья Л. Н. Толстого. 42—54.
 „Обломовъ“, Гончарова. 157.
 „Одесский Вѣстникъ“. 148, 152.
 „Оливеръ Твистъ“, Диккенса. 189.
 „Описаніе Войны“, Михайловского-Данилевскаго. 23.
 Орловъ. 106.
 Остерманъ. 165.
 „Отечественные Записки“. 5, 155.
 „Отрочество“. 1, 118.
 „Оцы и Дѣти“, Тургенева. 1.
 Панаевъ. 136.
 „Первая эпоха преобразованій имп. Александра I“, статья Богдановича. 125, 129.
 Пётр I. 30, 31, 165, 172, 173.
 Писемскій. 1, 3, 5, 19, 20, 55.
 Потемкинъ. 118, 167.
 „Преступленіе и Наказаніе“, Достоевскаго. 2.
 Прудонъ. 150.
 Пушкинъ. 56, 107, 133, 137.
 Пятковскій, А. Н. 104—140.
 Радищевъ. 125.
 „Разсказъ Маркера“. 14.
 Ранке. 76.
 Растворинъ, гр. 46, 83, 101, 131—133.
 Ратчъ. 130.
 Робеспьеръ. 135.
 „Рубка Лѣса“. 1, 25.
 Румянцевъ. 106.
 „Русские Лгуны“, Тургенева. 2.
 „Русский Архивъ“. 42, 54, 57, 107, 114, 120, 146.
 „Русский Вѣстникъ“. 2, 3, 5, 61, 89, 99, 105.
 Руссо, Жанъ-Жакъ. 31, 91, 135.

- Салтыковъ, А. Н., гр. 128.
 Салтыковъ, Н. И. 128.
 „Севастополь въ августѣ 1855 г.“ 26.
 „Севастополь въ декабрѣ 1854 г.“ 27.
 „Севастополь въ маѣ 1855 г.“ 1, 5.
 Скарятинъ. 116.
 Скоттъ, Вальтеръ. 90, 106, 163.
 „Собака“, Тургенева. 2.
 Сперанскій. 62, 85, 91, 100, 101, 103, 110, 126—130, 136, 137, 141, 146, 155, 181, 187, 190, 194, 196, 200, 205.
 „Страшный пассажъ въ Пассажѣ“, Достоевскаго. 2.
 Страховъ, Н. 5—28.
 Строгановъ, Н., гр. 124, 125, 129, 130.
 Суворовъ. 118.
 Сухомлиновъ. 130.
 Сычевскій, С. И. 148—155.
 Тистельвудъ. 136.
- Тургеневъ. 1, 3, 5, 55, 148.
 Тьеръ. 49.
 „Тысяча восемьсотъ пят. годъ“. 1—42, 89, 105, 162.
 Фотій, архимандритъ. 136.
 Францъ, имп. 62, 69.
 Фридрихъ. 135.
 Фусъ. 136.
 Цебрикова, М. К. (Николаева). 155—162.
 Чарторижскій, кн. 117, 124, 129, 130.
 „Чтенія въ имп. общ. древн. Рос.“. 132.
 Шекспиръ. 149, 151.
 Шеллингъ. 136.
 Шиллеръ. 108.
 Шишковъ. 130, 134.
 Шлоссеръ. 76.
 Щебальскій, Н. 89—106, 140.
 Эгюйларъ. 149.
 Эккардгаузенъ. 160.
 „Юность“. 19.
 „Юрій Милославскій“, Заго-
 скина. 139.

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВЪ.

1866 г.

*.) Тысяча восемьсот пятый годъ. Графа Льва Толстого. Часть I и II. М. 1866. Въ унів. тип. 8, 16 стр. Въ I части 167, во II—230.

Имя графа Льва Толстого хорошо известно русской публике; некоторые его произведения („Дѣтство“, „Отрочество“, „Севастополь“, „Рубка Лѣса“,) занимали видное мѣсто въ русской беллетристикѣ, даже въ недавнее время ея блестящаго, относительно, періода, когда имена гг. Тургенева, Нисемского, Гончарова и Достоевского—пользовались полнымъ сочувствіемъ публики, и каждое новое ихъ произведеніе давало темы для горячихъ толковъ и считалось чуть ли не событиемъ. Давно ли было это время, а уже отъ него, какъ известно, не осталось даже и слѣдовъ; всѣ эти бывшіе корифеи беллетристики, переживъ свою славу, находятся въ положеніи пѣвцовъ, савшихъ съ голоса, и благо еще г. Гончарову, что онъ одинъ выказалъ достаточно самообладанія въвремя остановиться и замолкнуть, чтобы объ немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о пѣвицѣ съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ. Грустная исторія о томъ, какъ, подобно Кравцову, гг. Тургеневъ и Нисемскій надорвались надъ ut diez'омъ („Отицы и Дѣти“ и „Взбаламученное Море“) известна всѣмъ и каждому; известно также, что и это ихъ не остановило, и что суждено было публикѣ прослушать и никитобезрыловскіе фельетоны, и „Довольно“,

*) „Книжный Вѣстникъ“ 1866 г., № 16—17.

и „Русскихъ Лгуновъ“, и „Собаку“... Г. Достоевскій крѣпился долго, но, наконецъ, не выдержалъ и пошелъ тоже по ихъ слѣдамъ, удивляя въ наши дни публику своимъ ит diez'омъ „Преступленіе и Наказаніе“—послѣднее продолженіе котораго въ восьмой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ въ состояніи вполнѣ убѣдить даже самаго снисходительнаго дилетанта, что и его, г. Достоевскаго, иѣсенка спѣта и спѣта не меньшимъ рыцарствомъ и отвагою, чѣмъ пропѣлъ ее Никита Безрыловъ. *Sic itur ad astra*—наши литературныя знаменитости и съ половины дороги возвращаются на землю и обратно въ видѣ загадочнаго аэролита, производя еще большее недоумѣніе въ средѣ русскихъ читателей, чѣмъ произведенія въ родѣ „Записокъ изъ подполья“ или „Страннаго пассажа въ Пассажѣ“. А между тѣмъ въ то недавнѣе время, о которомъ мы вспомнили, обратить на себя вниманіе въ беллетристикѣ, когда упомянутая нами плеяда свѣтила на литературномъ горизонтѣ, было не легко, для этого требовалось не мало таланта, и все-таки писатель, представлявшій несомнѣнныя его признаки, оставался на второмъ планѣ и значительно затмевался, такъ что произведенія самого гр. Толстого покойный критикъ Ап. Григорьевъ принялъ почему то „за явленіе совершенно обойденное русской критикой“, хотя она ихъ вовсе не обходила и усердно занималась оцѣнкою ихъ, и отвела имъ мѣсто, и разсуждала, по своему исконному обыкновенію, объ нихъ обильно и многословно. Намъ даже помнится, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы читали въ какомъ-то изъ журналовъ, прославившихъ воздушно-эстетическія цѣли, чуть ли не въ „Библ. для Чтенія“, обширный трактать въ двухъ или трехъ статьяхъ, главная мысль котораго заключалась въ томъ, что „важнѣйшее заслугу гр. Л. Толстого должно считаться отсутствіе всякой тенденціозности“. До какой степени такая похвала, похожая на поощреніе мыслителя за то, что въ строѣ его мысли нѣть направлениія—лестна, мы говорить не станемъ. Существуетъ, да еще и преблагополучно, цѣлое воззрѣніе, покоющееся на подобныхъ положеніяхъ, а у насъ нынѣ оно даже стремится къ преобладанію,

благодаря тому, что критические Оерситы болѣе живучи, чѣмъ дѣйствительные критики, не обладающіе ни мѣдными лбами, ни тѣмъ нахальствомъ, какое проявляютъ различные Incognito. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что эстетикъ, писавшій упомянутый трактать, обманулся (какъ и постоянно суждено обманываться эстетикамъ) даже и въ основномъ своемъ предположеніи, и графъ Л. Толстой—писатель тенденціозный, что онъ самъ поторопился доказать своими „Казаками“, а, пожалуй, даже и „Люцерномъ“, хотя характеръ этихъ тенденцій весьма своеобразный и даже иѣсколько мистической. Какъ человѣкъ умный и талантливый, послѣ этихъ произведеній, графъ Л. Н. Толстой, вѣроятно, со-зналь несостоительность многихъ изъ своихъ взглядовъ, но эти самыя тенденціи спасли его отъ той торной дороги, по которой пошли г-да Писемскій, Тургеневъ и Достоевскій, и новое его произведеніе „1805 годъ“, несмотря на всѣ свои несовершенства, если и не возбуждаетъ въ читателяхъ особенного сочувствія, то по крайней мѣрѣ не претить, а и такое отрицательное достоинство при современномъ состояніи беллетристики не особенно часто радуетъ читателя.

Въ томикѣ, лежащемъ передъ нами, перепечатаны первая и вторая части „1805 года“, предварительно явившіяся въ „Русскомъ Вѣстнике“, но мы прочли ихъ въ первый разъ и прочли не безъ удовольствія. Иѣкоторые страницы напомнили намъ своею свѣжестью лучшія произведенія этого автора, иѣкоторые лица, выведенныя имъ въ разсказѣ (напр., князь Василій, княгиня Друбецкая, капитанъ Тушинъ), мастерски имъ очерчены, но въ цѣломъ—этотъ „1805 годъ“ представляеть что-то странное и неопределеннное. Самъ авторъ, повидимому, не знаетъ, какъ опредѣлить свое произведеніе; въ заглавіи сказано просто „1805 годъ“, графа Льва Толстого; и дѣйствительно, это не романъ, не повѣсть, а скорѣе какая-то попытка военно-аристократической хроники прошедшаго, мѣстами занимательная, мѣстами сухая и скучная. Прочтя двѣ части, нельзя дать себѣ отчета ни объ основной идеѣ произведенія ни понять для чего и за-чѣмъ авторъ выставляетъ своихъ блѣдныхъ Николичекъ,

Наташенекъ, Мими и Борисовъ, на которыхъ невозможно сосредоточить вниманія среди описаний военныхъ дѣйствій, какихъ-то беллетристическихъ реляцій того времени, въ чемъ, кажется, главный интересъ произведенія; не знаешь даже, фигурируютъ ли эти лица въ разсказѣ въ качествѣ героеvъ, или по своему ничтожеству они только служатъ отдѣльными группами для главнаго фона картины. Болѣе удачно обрисованная личность князя Андрея приводить къ тѣмъ же вопросамъ и недоумѣніямъ; фантомы аристократическихъ лицъ прежнаго времени, за исключеніемъ уже упомянутаго князя Василія, княгини Друбецкой и стараго Ростова — тоже не удались автору, а между тѣмъ кромѣ этихъ лицъ выведено имъ еще множество, и изъ которыхъ (Анатоль Курагинъ, Долоховъ и т. д.) кажется, въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; за ихъ многочисленностью завязка произведенія становится какою-то раздробленію, и неудовлетворенное вниманіе читателя утомляется. По прочтении 2-хъ частей не знаешь даже, конечно ли произведеніе, или оно служить прологомъ для какой-то эпохи, чего-то оригинальнаго и самобытнаго, но достаточно скучнаго и неопределенно тенденціознаго. Языкъ, которымъ написанъ „1805 годъ“, хорошъ, какъ и во всѣхъ другихъ разсказахъ Л. Толстого; но, по какому-то необъяснимому капризу, половина его дѣйствующихъ лицъ говорить по-французски, и вся ихъ переписка ведется на томъ же языкѣ, такъ что книга едва ли не на треть написана по-французски, и цѣлые страницы сплошь напечатаны французскимъ текстомъ (правда съ подстрочнымъ внизу переводомъ). Это оригинальное нововведеніе тоже дѣйствуетъ на читателя какъ-то странно, и рѣшительно недоумѣваешь, для чего оно могло бы попадобиться автору? Если онъ хотѣлъ своими цитатами, по массѣ своей дѣлающимися злоупотребленіемъ, доказать, что предки нашей аристократіи начала текущаго столѣтія, разные Болконскіе и Друбецкіе говорили чистымъ и хорошимъ языккомъ, то для этого было бы достаточно одного его свидѣтельства, пожалуй, двухъ, трехъ фразъ на книгу, и ему всѣ охотно повѣрили бы, такъ какъ въ этомъ

едва ли кто и сомневался; поверили бы даже, что и жаргоны у нихъ были безукоризненные, по читать книгу, представляющую какую-то смесь „французского съ великорусскимъ“ безо всякой необходимости въ этомъ, право, не составляет никакого удобства и удовольствія; еще на аристократическихъ страницахъ „Русскаго Вѣстника“ онъ болѣе кстати, но для отдельного изданія можно было бы поступиться французскимъ текстомъ; впрочемъ, кабалистической шрифтъ, которымъ отпечатана книга, показываетъ, что это изданіе—только отдельные оттиски изъ знаменитаго московскаго журнала.

Изъ „Книжного Вѣстника“.

*) Въ заключеніи одной изъ мастерскихъ своихъ новѣстей (*Севастополь въ маѣ 1855 г.*) гр. Л. И. Толстой какъ бы невольно высказалъ глубочайшій мотивъ своей поэзіи.

„Герой моей новѣсти, говорить онъ—котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*“.

Тутъ разомъ высказывается и то, что поэтъ ищетъ героя,

*) „Отечественные Записки“ 1866 г., №№ 23 и 24. Статья Н. Страхова, подъ заглавиемъ: „Наша изящная словесность. 1805 годъ, ч. I и II. Соч. гр. Л. И. Толстого. Москва 1866 г.“.

Помѣщенный здесь разборъ Н. Страхова въ полномъ своемъ видѣ состоить изъ двухъ главъ. Тутъ помѣщена только вторая глава. Въ первой главѣ, напечатанной въ 23 № „Отечественныхъ Записокъ“, заключаются общія разсужденія Н. Страхова о русской художественной литературѣ, ея особомъ отпечаткѣ и обѣ оттенкеніи ея на задній планъ всякаго рода историческимъ движениемъ; кроме того, въ этой же главѣ своего разбора критикъ обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что помыслы нашихъ творческихъ умовъ главнымъ образомъ обращены были на уясненіе себѣ идеала душевной красоты. Для подтвержденія своихъ выводовъ Страховъ приводить сравнительную характеристику творчества Тургенева, Писемскаго и Л. Толстого. Общий заключительный выводъ первой главы разбора Страхова тотъ, что русскіе могутъ быть удовлетворены только совершенію *правдою* и *простотою*, какъ въ жизни, такъ и въ художественныхъ произведеніяхъ, и что эта коренная черта русской литературы съ большою силою отзывается въ произведеніяхъ Л. И. Толстого, главный центръ которыхъ заключается въ „томительной думѣ обѣ истинной жизни и красотѣ и о душевномъ безсиліи, не дающемъ людямъ доступа къ этой жизни и красотѣ“.

Примѣч. В. Зеленского.

Наташечка, Мими и Борисовъ, на которыхъ невозможно со средоточить вниманія среди описаний военныхъ дѣйствій, какихъ-то беллетристическихъ реляцій того времени, въ чемъ, кажется, главный интересъ произведенія; не знаешь даже, фигурируютъ ли эти лица въ разсказѣ въ качествѣ героевъ, или по своему ничтожеству они только служатъ отдельными группами для главнаго фона картины. Болѣе удачно обрисованная личность князя Андрея приводить къ тѣмъ же вопросамъ и недоумѣніямъ; фантомы аристократическихъ лицъ прежнаго времени, за исключеніемъ уже упомянутаго князя Василія, княгини Друбецкой и стараго Ростова — тоже не удались автору, а между тѣмъ кромѣ этихъ лицъ выведено имъ еще множество, и изъ которыхъ (Анатоль Курагинъ, Долоховъ и т. д.) кажется, въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; за ихъ многочисленностью завязка произведенія становится какою-то раздробленію, и неудовлетворенное вниманіе читателя утомляется. По прочтеніи 2-хъ частей не знаешь даже, конечно ли произведеніе, или оно служить прологомъ для какой-то эпопеи, чего-то оригинального и самобытнаго, но достаточно скучнаго и неопределенно тенденціознаго. Языкъ, которымъ написанъ „1805 годъ“, хороши, какъ и во всѣхъ другихъ разсказахъ Л. Толстого; но, по какому-то необъяснимому капризу, половина его дѣйствующихъ лицъ говорить по-французски, и вся ихъ переписка ведется на томъ же языкѣ, такъ что книга едва ли не на треть написана по-французски, и цѣлые страницы сплошь напечатаны французскимъ текстомъ (правда съ подстрочнымъ внизу переводомъ). Это оригинальное нововведеніе тоже дѣйствуетъ на читателя какъ-то странно, и рѣшительно недоумѣваешь, для чего оно могло бы попадобиться автору? Если онъ хотѣлъ своими цитатами, по массѣ своей дѣлающими злоупотребленіемъ, доказать, что предки нашей аристократіи начала текущаго столѣтія, разные Болконскіе и Друбецкіе говорили чистымъ и хорошимъ языкомъ, то для этого было бы достаточно одного его свидѣтельства, пожалуй, двухъ, трехъ фразъ на книгу, и ему все охотно повѣрили бы, такъ какъ въ этомъ

едва ли кто и сомневался; поверили бы даже, что и жаргоны у нихъ были безукоризненные, по читать книгу, представляющую какую-то смесь „французского съ великорусскимъ“ безо всякой необходимости въ этомъ, право, не составляет никакого удобства и удовольствія; еще на аристократическихъ странцахъ „Русскаго Вѣстника“ онь болѣе кстати, но для отдельного изданія можно было бы постуиться французскимъ текстомъ; впрочемъ, кабалистической шрифтъ, которымъ отпечатана книга, показываетъ, что это изданіе—только отдельные оттиски изъ знаменитаго московскаго журнала.

Изъ „Книжною Вѣстника“.

*) Въ заключеніи одной изъ мастерскихъ своихъ новѣстей (*Севастополь въ маѣ 1855 г.*) гр. Л. Н. Толстой какъ бы невольно высказалъ глубочайшій мотивъ своей поэзіи.

„Герой моей новѣсти, говорить онъ—котораго я люблю во всѣми силахъ души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда“.

Тутъ разомъ высказывается и то, что поэтъ ищетъ героя,

*) „Отечественные Записки“ 1866 г., №№ 23 и 24. Статья И. Страхова, подъ заглавиемъ: „Наша изящная словесность. 1865 годъ, ч. I и II. Соч. гр. Л. Н. Толстого. Москва 1866 г.“.

Помѣщенный здѣсь разборъ И. Страхова въ полномъ своемъ видѣ состоится изъ двухъ главъ. Тутъ помѣщена только вторая глава. Въ первой главѣ, напечатанной въ 23 № „Отечественныхъ Записокъ“, заключаются общія разсужденія И. Страхова о русской художественной литературѣ, ея особомъ отпечаткѣ и обѣ оттѣненіи ея на задний планъ всякаго рода историческимъ движеніемъ; кроме того, въ этой же главѣ своего разбора критикъ обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что помыслы нашихъ творческихъ умовъ главнымъ образомъ обращены были на усиленіе себѣ идеала душевной красоты. Для подтвержденія своихъ выводовъ Страховъ приводить сравнительную характеристику творчества Тургенева, Ниссемскаго и Л. Толстого. Общий заключительный выводъ первой главы разбора Страхова тотъ, что русскіе могутъ быть удовлетворены только совершенію *природою и простотою*, какъ въ жизни, такъ и въ художественныхъ произведеніяхъ, и что эта коренная черта русской литературы съ большою силой отзывается въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, главный центръ которыхъ заключается въ „томительной думѣ обѣ истинной жизни и красотѣ и о душевномъ безсиліи, не дающемъ людямъ доступа къ этой жизни и красотѣ“.

Примѣч. В. Земинскаго.

ищеть прекрасныхъ явлений жизни, и то, что онъ приступаетъ къ жизни съ требованіями неподкупной правды, и то, что въ своемъ строгомъ исканіи онъ не находитъ героя, не находитъ прекрасной жизни. Ему остается одно—признать свое исканіе за прекрасную мечту, свои требованія за нормальное явленіе. Такъ онъ и сдѣлалъ, восхваляя свою правдивость.

Какъ мы уже сказали, поэты въ своихъ поискахъ за жизнью и красотою приходили на бастіоны Севастополя во время его обороны. И что же? Повидимому, онъ и тутъ не нашелъ героическихъ чертъ. Оканчивая повѣсть, изъ которой мы привели заключеніе, онъ говорить:

„Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣстіи? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурины“.

Если бы это было послѣднимъ словомъ автора, то отсюда слѣдовало бы, что всѣ явленія, какія нашелъ поэтъ въ русской жизни, безразличны, всѣ имѣютъ, такъ сказать, одну степень и всѣ одинаково далеки отъ явлений прекрасной, героической жизни. Мы увидимъ, однако же, что не таковъ окончательный выводъ, что тяжелымъ трудомъ нашъ авторъ достигъ до другихъ, болѣе отрадныхъ взглядовъ.

Но вотъ постановка дѣла. Требуется открыть героя на русской землѣ, то-есть героя въ смыслѣ поэзіи, такое лицо, которое можно было бы воспѣвать, которому бы можно было сочувствовать. И вотъ авторъ выводить намъ цѣлую вереницу лицъ, могущихъ имѣть притязаніе на сочувствіе, и со всею беспощадною правдивостью доказываетъ намъ, что они не герои, а люди малодушные и пустые, несмотря на употребляемыя ими старанія быть вполнѣ хорошими людьми.

Что же это за люди? Одного изъ нихъ авторъ опредѣляетъ весьма отчетливымъ образомъ:

„Оленинъ былъ юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія, и до двадцати-четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ ни-

какой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что называется „молодой человѣкъ“ въ московскомъ обществѣ“.

Всякій замѣтить, что это старая исторія. Это тотъ же Онѣгинъ, который,

Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати-пяти годовъ,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣль.

Но процессъ тоски, снѣдавшей Онѣгина, у этихъ людей стала глубже и опредѣлениѣе, то-есть симптомы болѣзни раскрылись въ несравненно большей степени.

Воспитаніе — вполнѣ похоже на онѣгинское. Николай Иртеньевъ съ величайшою живостію раскрывалъ намъ свое „дѣтство“ и „отрочество“, и тутъ видно, что эти люди росли, не испытывая никакихъ нравственныхъ и умственныхъ вліяній, которые бы помогли развитію ихъ души и наложили бы на нее свою печать. Что до нравственнаго вліянія, то Иртеньевъ прямо говоритъ:

„Заботою о насть отца было не столько нравственность и образованіе, сколько свѣтскія отношенія“.

Что касается до умственнаго развитія, то нельзя не обратить вниманіе на замѣчаніе Иртеньева, что исторія всегда казалась ему самыи скучныи, тяжелыи предметомъ, и нельзя не найти комическимъ слѣдующій урокъ изъ исторіи:

— Позвольте перышко, сказалъ мнѣ учитель, протягивая руку.—Оно пригодится. Ну-съ.

— Людо... Кар... Людовикъ святой былъ... былъ... былъ...
добрый и умный царь...

— Кто-съ?

— Царь. Онъ вздумалъ пойти въ Иерусалимъ и передалъ бразды правленія своей матери.

— Какъ ее звали-съ?

— Б... б... ланка.

— Какъ-съ? Буланка?

Я усмѣхнулся какъ-то криво и неловко.

— Ну-съ, не знаете ли еще чего-нибудь? сказалъ онъ съ усмѣшкой».

При этомъ разсказъ невольно чувствуется, что изъ чужеземной исторіи, какъ она у насъ до сихъ поръ преподается, намъ всего доступнѣе

Лишь дней минувшихъ анекдоты.

При такомъ ходѣ дѣла было однокоже одно вліяніе, которое обнаруживала окружающая среда на этихъ отроковъ и которое, разумѣется, дѣйствовало на нихъ очень сильно. Именно на мѣсто различія добра и зла, свѣта и тьмы, красоты и безобразія, въ душахъ ихъ было развиваемо понятіе *comme il faut*, понятіе — говорить Николай Пртепьевъ — которое въ моей жизни было однимъ изъ самыхъ нагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.

„Родъ человѣческій можно раздѣлить на множество отдельствъ — на богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ и злыхъ, на военныхъ и статскихъ, на умныхъ и глупыхъ и т. д.; но у каждого человѣка есть непремѣнно свое любимое, главное подраздѣленіе, подъ которое онъ безсознательно подводить каждое новое лицо. Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то время, о которомъ я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*.

„Сомнѣ *il faut* было для меня не только важной заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго ни могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ *comme il faut*. Человѣкъ *comme il faut* стоялъ выше и виѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, дѣлать добро — онъ даже хвалилъ ихъ за это, отчего же и не хвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было, но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень; онъ былъ *comme il faut*, а они иѣть — и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ

брать, мать или отецъ, которые бы не были сомне *il faut*, я-бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между мной и ими не можетъ быть ничего общаго“.

Вотъ катихизисъ, который былъ внушаемъ этимъ людямъ средою, ихъ окружавшею. Какъ не вспомнить здесь Онѣгрина, который не прежде влюбился въ Татьяну, какъ увидавши ее блестящей свѣтской дамой, такою, что

Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme *il faut*,

и который былъ очень удивленъ, когда подъ этою вѣрнѣстю нашелъ настоящую Татьяну, Татьяну не сомне *il faut*, честную русскую женщину.

И большой Онѣгинъ и маленький Печоринъ, несмотря на тоску, ихъ грызущую, остаются однако въ томъ обществѣ, среди котораго родились. Съ героями гр. Л. Толстого дѣло происходитъ иначе. У нихъ рано начинается разладъ съ понятіями, привитыми обществомъ, и они уходить изъ своего круга и пускаются по всевозможнымъ путямъ, ища иныхъ людей и иной жизни для себя. Нехлюдовъ уходить въ деревню, Оленинъ въ казацкую станицу, другое на Кавказъ въ дѣйствующіе отряды, или въ Севастополь, или даже, какъ Долесовъ, на петербургскіе шинц-балы, чтобы тамъ встрѣтиться съ Альбертомъ.

Разладъ происходитъ не у всѣхъ, а именно только у тѣхъ, кого гр. Толстой избираетъ своими героями. Другіе юноши легко сливаются съ своею средою. Такъ братъ Николая Иртеньева, Володя, спокойно вступаетъ на путь своего отца. Такъ Бѣлецкій, встрѣтившійся съ Оленинымъ среди казаковъ, не чувствуетъ ни малѣйшаго разлада съ жизнью.

„Общее мнѣніе о Бѣлецкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый! Можеть быть, онъ дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на добродушное хорошенькое лицо, чрезвычайно непрѣятель“.

Не мудрено; между этими людьми ить ничего общаго. Одинъ принадлежитъ окружающей жизни, другой отъ нея

оторвался. Одинъ легко ко всему прилагается, для другого всякое жизненное явленіе составляетъ задачу.

„Бѣлецкій—рассказывается далѣе—сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго кавказскаго офицера въ станицѣ. Онъ подиаивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки“ и проч. „Казаки, ясно опредѣлившиѣ себѣ этого человѣка, любившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему и даже полюбили его больше, чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ загадкой“.

Прибавимъ—загадкой и для самого себя. Далѣе въ разговорѣ съ Бѣлецкимъ, Оленинъ самъ выражаетъ сознаніе своей разнородности съ нимъ и съ цѣлымъ міромъ, къ которому тотъ принадлежитъ. Оленинъ говоритъ:

— „Я знаю, что я составляю исключеніе (онъ, видимо, былъ смущенъ). Но жизнь моя устроилась такъ, что я не вижу не только никакой потребности измѣнить свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь, не говорю уже жить такъ счастливо, какъ живу, ежели бы я жилъ по вашему. И потомъ, я совсѣмъ другого ищу, другое вижу въ нихъ. (женщинахъ), чѣмъ вы“.

Вотъ эти-то загадки для себя и другихъ, эти исключенія изъ общаго правила и составляютъ главныхъ лицъ, выводимыхъ у графа Толстого. Лица эти—несчастные, страдающіе люди, въ противоположность счастливымъ и довольнымъ собою Володямъ, Бѣлецкимъ, Дубковымъ и всему множеству вообще. У нашихъ героеvъ есть только одно счастливое время жизни, не юность, которая, по ходячему романическому миѳию, составляетъ лучшую пору каждого человѣка, не мужество, которое по сущности дѣла должно бы представлять полное, раскрытие жизни, а дѣтство, первоначальная пора, когда человѣка еще нѣть, а есть только задатокъ человѣка. Дѣтство является для нихъ единственою свѣтлою точкой. Вотъ какъ говорять они объ немъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ:

„Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелеять воспоминаній объ ней? Воспоминанія эти освѣждаютъ, возвышаютъ мою душу и служать для меня источникомъ наслажденій.

„Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность,

потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви были единственными побужденіями въ жизни“?

„Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангель-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и напѣвалъ сладкія грёзы неиспорченому дѣтскому воображенію“.

„Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что павѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія“?

Конечно, нужно считать очень несчастливыми людей, у которыхъ есть дѣтство, но нѣть юности и мужества въ настоящемъ смыслѣ. Жизнь, имѣющая такой ходъ, очевидно, поражена глубокой неправильностью.

Что же случается? Какъ мы уже сказали, у героя гр. Толстого возникаетъ разладъ съ окружающимъ міромъ. Процессъ возникновенія этого разлада описанъ у гр. Толстого со всею отчетливостью. Не то, чтобы окружающая дѣйствительность поражала этихъ людей своимъ безобразіемъ, или производила на нихъ давленіе, изъ-подъ котораго они старались выбиться; не то, чтобы въ душѣ ихъ существовали стремленія, которые не находили себѣ пищи, существовала жажда дѣятельности, для которой не оказывалось простора; нѣть—дѣло здѣсь имѣло совершенно иной видъ.

Среди той пустоты, того отсутствія вліяній, въ которомъ эти люди провели свое дѣтство и отрочество, у нихъ въ извѣстную пору, въ силу внутренняго развитія души, возникли идеальные стремленія, чрезвычайно сильныя и совершенно неопределенные. Въ этомъ была ихъ бѣда, иощадившая другихъ юношей. Свѣтъ возникшаго идеала былъ такъ силенъ, что міръ сошле *il faut* исчезалъ передъ нимъ безъ слѣда; идеаль почти не удостоивалъ бороться съ этимъ міромъ. Такимъ образомъ, эти люди оставались наединѣ съ собою, отрѣзанные отъ своей дѣятельности. Но въ то же время молодой позывъ къ идеалу не успѣваетъ сформироваться въ определенные требования и желанія. Недостаетъ руководства,

примѣровъ, формъ, словъ и очертаній, которыя помогли бы широкому и сильному идеалу, такъ сказать, сложиться въ опредѣленный организмъ. Поэтому душа, если можно такъ выразиться, не дорастаетъ; являются страдающіе люди, которые не знаютъ, что имъ дѣлать и какъ имъ дѣлать, которые и въ себѣ и въ другихъ постоянно отыскиваютъ идеальную сторону жизни, мучатся ея отсутствіемъ, и иногда доходятъ до совершеннаго сомнѣнія въ ея существованіи.

Переломъ, которымъ начинается этотъ разладъ, наступаетъ въ юности.

„Подъ вліяніемъ Нехлюдова — разсказываетъ Николай Иртеньевъ— я невольно усвоилъ и его направление, сущность котораго составляло *восторженное обожаніе идеала добродѣти* и убѣжденіе въ назначеніи человѣка совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскія, казалось удобоисполнимою вещью — очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣти и быть счастливымъ“...

Совершенно опредѣленно эта эпоха обозначена иѣсколько далѣе:

„Тѣ добродѣтельныя мысли, которыя мы въ бесѣдахъ перебирали съ обожаемымъ другомъ моимъ Дмитріемъ, чудеснымъ Митей, какъ я самъ съ собою шепотомъ иногда называлъ его, еще правились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли съ такой свѣжей силой морального открытия пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту же секунду, захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнить имъ.

„И съ этого времени я считаю начало юности.

„Мнѣ былъ тогда шестнадцатый годъ въ исходѣ“.

Тутъ же сказывается и неопределеннѣсть этихъ порывовъ, пробудившихся съ такою силою.

„Этотъ пахучій сырой воздухъ и радостное солнце говорили мнѣ внятно, ясно о чёмъ-то новомъ и прекрасномъ, которое хотя я не могу передать такъ, какъ оно сказы-

валось миѣ, а постараюсь передать такъ, какъ я воспринималъ его— все миѣ говорило про красоту, счастье и добродѣтель, говорило, что какъ то, такъ и другое легко и возможно для меня, что одно не можетъ быть безъ другого, и даже; что красота, счастье и добродѣтель одно и то же“.

Пртеньевъ мечтаетъ о своей новой жизни:

„ . . . въ точности буду исполнять все (что было это „все“, я никакъ бы не могъ сказать тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это „все“ разумной, нравственной, безупречной жизни“).

А вотъ описание подобнаго пробужденія идеала у другого героя, двадцати-четырехлѣтняго юноши Оленина—лица, къ которому авторъ отнесся болѣе строго, чѣмъ къ Пртеньеву. Оленинъ въ лѣсу задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ и отчего онъ не былъ счастливымъ прежде“.

„И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастье вотъ что—сказалъ онъ самъ себѣ— счастье въ томъ, что бы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на виѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить“.

Какъ все это молодо и благородно! Несмотря на то, что авторъ не только не льстить этимъ юношамъ, а напротивъ, почти готовъ отнести къ нимъ комически (чистаго комического отношения, какъ мы замѣтили, у него не бываетъ, потому что это—не свободное, самообладающее творчество), нельзя не сочувствовать этимъ порывамъ. „Богъ одинъ

знаеть—говорить съ сомнѣніемъ авторъ—точно ли смѣшины были эти благородныя мечты юности“; но въ другомъ, болѣе объективномъ мѣстѣ, гр. Толстой ясно высказываетъ, какую цѣну имѣютъ эти мечты.

„Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новая начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благій, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго, и обѣщавшій добро и счастіе въ будущемъ—благій, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?“

Есть люди, у которыхъ никогда не звучалъ этотъ голосъ; есть такие, у которыхъ онъ звучитъ въ извѣстную пору, но легко заглушается голосомъ нужды, страстей, привычекъ и примѣровъ окружающей жизни; чаще же всего люди, подавляемые жизнью, чувствуютъ смиреніе передъ нею, не смѣютъ становиться выше ея и предлагать ей требованія, считаютъ дерзостію возложить и на себя большія надежды, и потому слѣпо влекутся обстоятельствами, смутно сознавая, что должна быть какая-то другая жизнь, которая, однако, имъ не по силамъ.

Но у героевъ гр. Толстого голосъ идеала звучитъ громко и не даетъ имъ никогда успокоиться. Одинъ изъ нихъ, чувствуя, что мелкія страсти и привычки совершенно завладѣли его душою, сталъ такъ для себя гадокъ, что застрѣлился („Разсказъ Маркера“). Всѣ они приступаютъ къ себѣ и къ жизни съ огромными требованіями; у всѣхъ постоянно шевелится въ душѣ вопросъ, который рано задалъ себѣ Николай Иртеньевъ: „Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ, и такъ безобразно выходить на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что-нибудь изъ того, что думаю?...“

Тутъ намъ слѣдовало бы привести цѣлый рядъ комиче-

скихъ явлений съ молодыми людьми гр. Толстого—явлений, впрочемъ, очень обыкновенныхъ у всякаго рода молодыхъ людей. Явления эти состоять въ томъ, что юноши прикидываются взрослыми людьми, обнаруживаютъ интересы, желания, потребности, которыхъ не имѣютъ, волнуются чувствами, которыхъ не питаютъ—однимъ словомъ *нанускаютъ* на себя всякаго рода содержаніе, котораго еще лишены ихъ юныя души. Николай Пртеньевъ разсказываетъ про себя:

„Я продолжалъ считать своею неизменной обязанностью скрывать отъ всего общества Нехлюдовыя и въ особенности отъ Вареньки свои настоящія чувства и наклонности, и старался выказывать себя совершенно другимъ молодымъ человѣкомъ отъ того, какимъ я былъ въ дѣйствительности, и даже такимъ, какого не могло быть въ дѣйствительности“.

Подобныхъ обезьянничаний приведено множество въ рассказахъ гр. Толстого. Смысьль явлений такъ простъ, что не нуждается ни въ какомъ поясненіи. Комизмъ—вотъ единственное правильное отношеніе къ нимъ; но замѣчательно, что именно этого-то отношенія и не устанавливается у гр. Толстого. Очевидно, комизмъ былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы у юношѣй, о которыхъ идетъ рѣчь, на ряду съ фальшивыми проявленіями, постепенно возрастили и усиливались дѣйствительныя чувства, желанія и потребности. Тогда эта дѣйствительная душевная жизнь могла бы утѣшить человѣка въ томъ, что онъ, въ иныхъ случаяхъ поддался фальши, и дать ему надежду, что онъ, наконецъ, навсегда избавится отъ фальши. Но къ несчастью, здѣсь нѣть этого утѣшения и этой надежды. Герои гр. Толстого чувствуютъ, что въ душѣ ихъ нѣть живыхъ движений, и потому, съ горестью и уныніемъ видятъ въ себѣ одну фальшь. Прекрасный идеалъ, который они носятъ въ душѣ, заставляетъ ихъ страдать отъ этой фальши, которой другое предаются съ увлечениемъ и о которой вспоминаютъ потомъ со смѣхомъ. Какое глубокое недовольство собою долженъ быть чувствовать Николай Пртеньевъ, напримѣръ, при такомъ собственномъ поведеніи:

„Вспомнивъ, какъ Володя цѣловалъ прошлаго года ко-

шелекъ своей барышни, я попробовалъ сдѣлать то же, и, дѣйствительно, когда я одинъ вечеромъ въ своей комнатѣ сталъ мечтать, глядя на цвѣтокъ, и прикладывать его къ губамъ, я почувствовалъ иѣкоторое приятно-слезливое расположение, и снова быть влюбленъ, или такъ предполагалъ въ продолженіе иѣсколькихъ дней".

Бѣдный мальчикъ! Онъ, очевидно, ясно чувствуетъ фальшь, которой Володя конечно предавался, не задумываясь, какъ будто дѣло дѣлалъ.

Откуда же, спрашивается, такое отсутствіе живыхъ интересовъ и потребностей у этихъ юношей? Мы уже указывали на отсутствіе умственныхъ и нравственныхъ вліяній, среди которыхъ они развивались. Виѣшнія ихъ обстоятельства давали имъ полную возможность жить особнякомъ, не связывая себя тѣсно ни съ какими людьми, ни съ какимъ определеннымъ дѣломъ. Вотъ какъ авторъ описываетъ положеніе Оленина:

„Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ ни нормальныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ".

Другой герой слѣдующимъ образомъ указываетъ на то, какъ понятія, среди которыхъ онъ воспитывался, отрывали его отъ дѣйствительности.

„Ни потеря золотого времони, употребленаго на постояннную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезнное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти-десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманіе ко всему прекрасному, совершающемся виѣ кружка comme il faut, все это еще было не главное зло, которое мнѣ причинило это понятіе, Главное зло состояло въ томъ убѣждеміи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку

не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ сомне il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначение и даже становится выше большей части людей“.

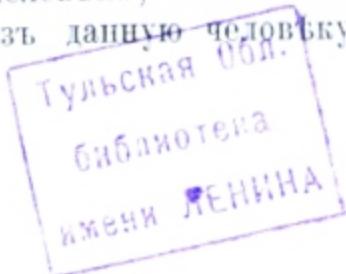
„Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлечений, каждый человѣкъ обыкновенно становится въ необходимости дѣятельного участія въ общественной жизни, выбираетъ какую-нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя ей; но съ человѣкомъ сомне il faut это рѣдко случается. Я зналъ и знаю очень, очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задастся имъ на томъ свѣтѣ: „Кто ты такой? И что ты тамъ дѣлалъ?“ не будутъ въ состояніи отвѣтить иначе, какъ: „je fus un homme très comme il faut.“ „Эта участія ожидала меня“.

Изъ этого видно, что пустая, безодержательная среда не давала этимъ юношамъ никакой точки опоры, никакого живого, теплого прикосновенія къ дѣйствительности. Но это только вѣнчаное условіе или возможность ихъ особаго развитія. Внутреннее, существенное условіе, по которому они не стали въ ряды очень и очень многихъ, почему они были выброшены изъ своей среды и почуяли въ себѣ такую страшную пустоту, заключается въ ихъ душевномъ пробужденіи, въ томъ порывѣ къ идеалу, отъ которого начинается разладъ ихъ жизни.

„Бываютъ люди—замѣчаетъ авторъ—лишенные этого порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣваютъ на себя первый попавшійся хомутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни“.

Вся бѣда нашихъ героевъ въ томъ и заключается, что они нимало на такихъ людей не похожи, и, напримѣръ, прежде всего сбрасываютъ съ себя хомутъ сомне il faut, въ которомъ многіе чувствуютъ себя такъ счастливо.

„Оленинъ — разсказываетъ авторъ — раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ, тотъ не повторяющейся порывѣ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать

изъ себѣ все, что онъ хочетъ и какъ ему кажется, и изъ всего міра все, что ему хочется».

„Оленинъ слишкомъ сознавать въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль, способность захотѣть и сдѣлать, броситься головой внизъ, въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ“.

Итакъ, вотъ каковы героя гр. Толстого. Это не худшіе наши люди, а скорѣе лучшіе. Это исключенія изъ нашей жизни, по исключенія, порожденныя самою жизнью, ея пустотою и безодержательностью. Въ нихъ проснулась неумирающая душа человѣческая, они почувствовали въ себѣ порывъ къ идеалу, услышали его зовущій голосъ. Они пошли за нимъ и понали въ толь тѣжелый разладъ съ самими собою и съ окружающими людьми, который составляетъ главную тему графа Толстого. При свѣтѣ своего идеала они сами себѣ кажутся пустыми и мертвѣнными, а окружающая ихъ жизнь является имъ темпою и мелкою...

Что же дѣлаютъ герои графа Толстого? Они буквально бродить по свѣту, нося въ себѣ свой идеаль, и *шутятъ и фельзаніемъ жизни*. Они мучительно заняты рѣшеніемъ самыхъ общихъ и, повидимому, очень наивныхъ вопросовъ такого рода: существуетъ ли на свѣтѣ истинная дружба? Существуетъ ли истинная любовь къ женщина? существуетъ ли высокое наслажденіе природою или искусствомъ? существуетъ ли истинная доблѣсть, напр., храбрость на войнѣ? Эти вопросы, которые мы обыкновенно считаемъ признакомъ пошлости человѣка, ихъ задающаго, пошлости у насъ очень обыкновенной и всѣмъ знакомой, эти вопросы не стыдятся задавать себѣ юноши графа Толстого, потому что для нихъ это мучительные вопросы, потому что они, во что бы то ни стало, хотятъ увидѣть собственными глазами ту прекрасную сторону жизни, о которой они слышали и къ которой ихъ влечетъ внутреннее чувство. Двадцати-четырехлѣтній Оленинъ подѣлѣжаетъ къ Кавказскимъ горамъ.

„Оленинъ съ жадностью стала вглядываться, но было

насмурно, и облака до половины застилали горы. Оленину виднѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое; какъ онъ ни старался, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыхъ столько читалъ и слышалъ. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ, и что особенная красота смыловыхъ горъ есть такая же выдумка, какъ музыка Баха и любовь къ женщинамъ, вѣи которыхъ онъ не имѣлъ».

Но не даромъ же онъ побѣхалъ на Кавказъ, а не остался въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Сашкой Б...—флигель-адъютантомъ, и княземъ Д... На другое же утро онъ почувствовалъ всю безконечность красоты горъ. Но если горы достались такъ легко, то въ другихъ случаяхъ приходилось вынести долгое исканіе и тысячи тяжелыхъ колебаний, прежде чѣмъ жизнь открывала свою таинственную красоту.

Бѣдная, бѣдная жизнь! Такъ ли ты уже дурила и темна на самомъ дѣлѣ, что каждую прекрасную черту твою нужно отыскивать какъ кладъ, зарытый въ глубокомъ подземельѣ? Или же эти люди, жаждущіе твоей красоты, почему-то поражаются слѣпотою, и неспособны увидѣть то, что прямо передъ ихъ глазами? Они слышатъ, они читаютъ про какой-то дивный міръ, где есть любовь къ женщинамъ, музыка Баха, красота природы; но хотя женщины вокругъ нихъ много—они не любить кого-нибудь изъ нихъ, музыка звучать—они не чувствуютъ восторга, природа передъ глазами—они ея не видѣть.

Отыскивая по свѣту идеальную сторону жизни, герои графа Толстого нерѣдко приходить въ отчаяніе, нерѣдко теряютъ вѣру въ то, что они—когда-нибудь достигнутъ цѣли. Въ сочиненіяхъ графа Толстого много есть мѣсть, выражающихъ полное невѣріе въ жизнь, признаніе ея совершенного ничтожества, совершенного отсутствія въ ней идеала. У него встрѣчается, напримѣръ, отрицаніе любви, нимало не уступающее тому невѣрію, которое г. Нисемскій выразилъ относительно Ромео и Юліи. Въ „Юности“ есть глава, которая называется *Любовь*. Въ ней Николай Иртеньевъ порѣшаешь дѣло такъ:

„Есть три рода любви:

- 1) любовь красивая,
- 2) любовь самоотверженная и
- 3) любовь дѣятельная.

„Я говорю не о любви молодого мужчины къ молодой дѣвушкѣ и наоборотъ, я боюсь этихъ нѣжностей, и быть такъ несчастливъ въ жизни, что никогда не видаль въ этомъ родѣ любви *ни одной искры правды, а только ложь*, въ которой чувственность, супружескія отношенія, деньги, желаніе связать или развязать себѣ руки—до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзѧ было“.

Это настоящій взглядъ г. Нисемского. Отвергаетъ именно та любовь, къ разряду которой относится любовь Ромео и Юліи. Остальные три рода любви тоже оказываются фальшью. Вотъ, напр., замѣтка о *любви красивой*.

„Смѣшио и страшно сказать, по я увѣренъ, что было очень много и теперь есть много людей извѣстнаго общества, въ особенности женщинъ, которыхъ любовь къ друзьямъ, мужьямъ, дѣтямъ сейчасъ бы уничтожилась, ежели бы имъ только запретили про нее говорить по-французски“.

Во второмъ разсказѣ о Севастополѣ—разсказѣ, гдѣ авторъ съ поразительнымъ мастерствомъ изобразилъ сцены мелочныхъ страстей, тщеславія, зависти, трусости и т. д., которая онъ нашелъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ казалось бы можно было найти только невыразимо-величественную и грозную эпопею, гр. Толстой усомнился въ достоинствѣ души человѣческой, и заключаетъ свой разсказъ такъ:

„Вотъ я и сказалъ, что хотѣлъ сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолѣваетъ меня. Можетъ быть, не надо было говорить этого; можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которая, безсознательно таясь въ душѣ каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, которое не надо взбалтывать, чтобы не испортить его“.

„Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать, гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны“.

Злыя истины, о которыхъ говорить здѣсь авторъ, встрѣчаются у него безпрестанно. Это большое мѣсто въ душѣ его героеvъ, до котораго они любить дотрогиваться. Тема этихъ злыхъ истинъ одна—ничтожество и малодушіе человѣческаго племени. Доказывается эта тема всегда одинаковымъ образомъ, именно тѣмъ, что герой ловить себя постоянно на отступлениі отъ своего идеала, на томъ, что не выдерживаютъ своихъ благороднѣйшихъ плановъ и предложеній. Они такъ любить свои высокія мечтанія, что ни за что не хотять отъ нихъ отказаться, такъ что противорѣчіе жизни этимъ мечтаніямъ огорчаетъ ихъ до глубины души и наводить на самыя мрачныя идеи. Иногда это выходитъ комически, какъ огорченіе отъ неисполненія совершенно фантастическихъ, совершенно чуждыхъ дѣйствительности, желаній. Вотъ, напр., мрачныя размышленія Николая Иртеньева:

„Мой другъ былъ совершенно правъ; только гораздо гораздо позднѣе я изъ опыта жизни убѣдился въ томъ, какъ вредно думать и еще вреднѣе говорить многое, кажущееся очень благороднымъ, но что *павсегда должно быть спрятано отъ всѣхъ въ сердцѣ каждого человѣка* — и въ томъ что *благородныя слова рѣдко сходятся съ благородными дѣлами*. Я убѣжденъ въ томъ, что уже по одному тому, что *хорошее намѣреніе высказано*, трудно, даже большую частію *невозможно исполнить это хорошее намѣреніе*. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позднѣе вспоминаешь объ нихъ, какъ о цвѣткѣ, который—не удержался, сорвалъ не распустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ, завилымъ и затоптанымъ“.

„Я, который сейчасъ только говорилъ Димитрію, своему другу, о томъ, чѣмъ деньги портятъ отношенія, на другой день утромъ, передъ нашимъ отѣздомъ въ деревню, когда оказалось, что я промоталъ всѣ свои деньги на разныя картишки и стамбулки, взялъ у него двадцать-пять рублей ассигнаціями на дорогу, которые онъ предложилъ мнѣ, и потомъ очень долго оставался ему долженъ“.

Экая бѣда, въ самомъ дѣлѣ, эти двадцать пять рублей! И какъ отсюда ясно слѣдуетъ, что благородныхъ намѣреній не слѣдуетъ высказывать, а если разъ высказались, то ужъ потомъ какъ не исполнишь! Эти фантастическая страданія тѣмъ не менѣе суть страданія; они свидѣтельствуютъ все о томъ же—о силѣ идеальныхъ стремлений, которымъ преданы эти юноши, слишкомъ много требующіе отъ себя и отъ жизни. Они строго судятъ людей и себя; но у нихъ нѣтъ никакого руководства, которое научало бы ихъ различать добро отъ зла, давало бы имъ ясно видѣть, что любить и что презирать. Юноша, который мучится избыткомъ благородныхъ чувствъ и намѣреній—самостоятельно есть очень милое явленіе, разумѣется, какъ задатокъ. Но если этотъ задатокъ не развивается, если его мечты не получаютъ со временемъ опредѣленныхъ формъ, если въ душѣ его не возникаетъ живыхъ потребностей, которыхъ подсказывали бы ему что любить и что ненавидѣть, то это будетъ болѣзненное явленіе пустой, холодной жизни. Для князя Д. Нехлюдова въ „Люцернѣ“ мѣръ все еще представляется хаосомъ:

„Кто опредѣлить миѣ—спрашиваетъ онъ—что свобода, что деспотизмъ, что цивилизациѣ, что варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это *место добра и зла*, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе факты?“

Чѣмъ же оканчиваются и оканчиваются ли вообще всѣ эти волненія, сомнѣнія и колебанія? Находятъ ли, наконецъ, эти люди въ себѣ и другихъ ту идеальную сторону жизни, по которой они такъ мучаются? Какъ мы уже замѣтили, дѣло не останавливается на полномъ отчаяніи, къ которому они иногда приходятъ. Для нихъ открываются проблески истинной жизни, истинной духовной красоты, большую частію не въ нихъ, а въ другихъ людяхъ, которыхъ они въ своемъ упорномъ искааніи идеала, наконецъ, начинаютъ цѣнить и любить. Такимъ образомъ они пріобрѣтаютъ вѣру, что красота жизни существуетъ, что есть души, вполнѣ сохраняющія достоинство человѣка, вполнѣ достойныя сочувствія.

Особенно подробно и полно разработанъ у графа Толстого вопросъ о *храбрости*, о томъ, какъ дѣлается война, по выражению одного изъ лицъ его севастопольскихъ рассказовъ, Козельцова, т.-е. какъ она дѣлается по отношенію къ недѣлимымъ, въ душѣ лицъ, тѣмъ или другимъ путемъ попавшихъ на театръ войны. Начинается разработка этого вопроса съ повѣсти „Набѣгъ“, а концомъ разработки можно считать „1805 годъ“, гдѣ во второй части война изображена уже съ полнымъ мастерствомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла съ полнымъ обладаніемъ предметомъ. Центръ же, поворотную точку, гдѣ достигнута, наконецъ, суть дѣла, гдѣ храбрость найдена лицомъ къ лицу, составляетъ *послѣдний* севастопольский рассказъ.

Въ „Набѣгѣ“ выведенъ на сцену *волонтеръ*, который, какъ подобаетъ герою графа Толстого, ищетъ проявленій истинной жизни, и потому просится въ дѣло, чтобы видѣть, проявляется ли и какъ проявляется храбрость. Его отговариваются.

— „И чего вы не видали тамъ? продолжать убѣждать меня капитанъ.—Хочется вамъ узнать, какія сраженія бываютъ? Прочтите Михайловскаго - Данилевскаго „Описаніе Войны“—прекрасная книга: тамъ все подробно описано—и гдѣ какой кориусь стоять, и какъ сраженія происходить.

— „Напротивъ, это-то меня и не занимаетъ, отвѣчалъ я.

— „Ну, такъ что же вамъ? просто хочется видѣть, посмотретьъ, какъ людей убиваютъ?.. Вотъ въ тридцать второмъ году, былъ тутъ тоже неслужащий какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похода съ нами ходилъ въ синемъ плащѣ какомъ-то... таки ухлошли молодца. Здѣсь, батюшка, никакого не увидишь“.

Немудрено, что этотъ истинно-прекрасный человѣкъ, капитанъ Хлоновъ, не понимаетъ, что хочется волонтеру. Для него не существуетъ душевнаго вопроса, который мучить молодого человѣка. Для него *храбрость* такое же простое и ясное понятіе, какъ и всѣ другія, и онъ понимаетъ „Описаніе“ Михайловскаго-Данилевскаго. Волонтеръ

же не понимаетъ этого слова, какъ и многихъ другихъ, о которыхъ слышалъ и читалъ. Это сейчасъ и оказывается изъ его разспросовъ.

— „Что, онъ храбрый былъ? спросилъ я капитана (принципа).

— „А Богъ его знаетъ: все бывало впереди Фэдить; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

— „Такъ, стало-быть, храбрый, сказаль я.

— „Нѣтъ, это не значить храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ...

— „Что же вы называете храбрымъ?

— „Храбрый? храбрый? повторилъ капитанъ съ видомъ человѣка, которому въ первый разъ представляется подобный вопросъ...“

Вопросъ этотъ никогда не безнокоилъ капитана, между тѣмъ, какъ онъ глубоко тревожить волонтера. И вотъ волонтеръ напряженно присматривается къ тому, какъ держать себя различныя лица во время похода и дѣла.

„Я съ любопытствомъ вслушивался въ разговоры солдатъ и офицеровъ и внимательно всматривался въ выраженія ихъ физіономій; но решительно ни въ комъ я не могъ замѣтить и тѣни того блеска, которое испытывалъ самъ: шуточки, смѣхи, разсказы — выражали общую беззаботность и равнодушіе къ предстоящей опасности“.

Испытывая самъ некоторое чувство страха, онъ видѣтъ лицомъ къ лицу всѣ проявленія мужества и удивляется имъ, но еще не понимаетъ ихъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо и говорить: я совершенно ничего не понималъ.

Стараясь, однако же, решить, которое изъ этихъ различныхъ явлений храбрости достигаетъ совершенной полноты, которое представляетъ настоящее воплощеніе идеала, волонтеръ останавливается въ заключеніе на капитанѣ Хлоповѣ:

„Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственна; но зато въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. Вотъ кто истинно храбръ, сказалось мнѣ невольно“. „Онъ былъ точно такимъ же, какимъ я всегда видѣль его. Легко сказать, такимъ же,

какъ и всегда; но сколько различныхъ оттѣниковъ я замѣчать въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что капитанъ *и не понимаетъ, зачѣмъ казаться*».

Вотъ первое рѣшеніе вопроса, очевидно весьма слабое, и недостаточное. Капитанъ Хлоповъ, конечно, прекрасный и храбрый человѣкъ; но не все же могутъ быть такъ просты, какъ онъ. Можетъ быть, храбрыми могутъ быть и люди, которые понимаютъ иѣсколько больше его, которые понимаютъ, *зачѣмъ казаться*, задавали себѣ вопросъ: *что такое храбрый*, равно какъ и многие другіе вопросы, никогда не проходившіе въ голову капитана Хлопова.

Итакъ, требуются новые этюды. Авторъ рисуетъ множество людей, менѣе спокойныхъ, чѣмъ капитанъ, волнуемыхъ страхомъ при видѣ опасности, иныхъ совершенно поддающихся этому страху, другихъ усиленно борющіхся съ нимъ, и многихъ вполнѣ и блестательно подавляющихъ это чувство и владѣющихъ собою. Среди этого анализа, понадается и *злая истина* на свое мѣстѣ: Въ „Рубкѣ Лѣса“, юнкеръ разсказываетъ свой разговоръ съ ротнымъ командиромъ Болховымъ, который „имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски“. Этотъ Болховъ объявляетъ юнкеру, что онъ неспособенъ къ кавказской службѣ.

„Я, говорить онъ, не могу переносить опасности... просто я не храбръ...“

„Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня безъ шутокъ“.

Болховъ очевидно трусь, до того падающей духомъ, что уже не можетъ владѣть собою. Казалось бы, подобное малодушіе должно было непріятно подействовать на юнкера. Между тѣмъ, вотъ разговоръ, который происходитъ между ними въ этотъ же день:

Болховъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.

— „А я думаю, вамъ очень страннѣмъ показался нашъ разговоръ утромъ?“ сказалъ онъ.

— „Нѣтъ, отчего же? Миѣ только показалось, что вы

слишкомъ откровенны; есть вещи, которыя мы все знаемъ, но которыхъ никогда говорить не надо».

То-есть, все мы трусы, да только нельзя же обѣ этомъ рассказывать. Бѣдный юноша! Онъ, очевидно, испуганъ не опасностью, а тѣмъ, что чувствуетъ въ душѣ своей страхъ, несмотря на свое отвращеніе отъ того чувства и желаніе подавить его. Стыдливо скрываетъ онъ свою внутреннюю благородную борьбу, и когда малодушный и мелочнай Болховъ открываетъ ему свою трусость, онъ не смѣеть укорить его, ставить себя съ нимъ наравнѣ и называетъ и себя трусомъ.

Много и другихъ проявлений малодушія анализовано авторомъ съ его необыкновеннымъ мастерствомъ. Черты тщеславія и другихъ мелкихъ страстей, разыгравающихся среди самого разгара битвъ и великихъ событий, выставлены такъ же, какъ явленія, подрывающія вѣру въ достоинства души человѣческой. Человѣкъ, доблестный среди битвы, черезъ минуту становится мелочнымъ въ обыкновенной жизни. Что же такое эта доблесть, такъ быстро уступающая мѣсто малодушію? На эту тему, какъ мы уже и упоминали, написанъ второй севастопольскій разсказъ. Но Севастополь взялъ таки свое. Въ третьемъ, послѣднемъ севастопольскомъ разсказѣ, уже вполнѣ разрѣшенъ вопросъ: что такое храбрость. Этотъ разсказъ писанъ уже полною художественною манерою, тою же самою, которою писанъ „1805 годъ“. Въ разсказѣ „Севастополь въ августѣ 1855 года“, уже твердо записано важное замѣчаніе,

„что страхъ, какъ и каждое сильное чувство, не можетъ въ одной степени продолжаться долго“.

Замѣчаніе весьма важное для того наивно-идеального взгляда, который готовъ потребовать, чтобы человѣкъ постоянно питалъ весьма сильныя и весьма благородныя чувства.

По обыкновенію, авторъ и здѣсь рисуетъ свои лица со всею правдивостію, изображаетъ все ихъ мелочные слабости, всевозможные переходы отъ доблести къ малодушію. Онъ разсказываетъ, напр., какъ, наканунѣ битвы, офицеры въ оборонительной казармѣ играютъ въ карты. Они жадничаютъ, злятся, наконецъ, завязывается скора. Авторъ перестаетъ рассказывать.

Опустимъ, говорить онъ, скорѣе завѣсу надъ этой сценою. Завтра, нынче же, можетъ быть, каждый изъ этихъ людей весело и гордо пойдетъ навстрѣчу смерти и умретъ твердо и спокойно, но одна отрада жизни въ тѣхъ ужасающихъ самое холодное воображение условіяхъ отсутствія всего человѣческаго и безнадежности выхода изъ нихъ, одна отрада есть забвеніе, уничтоженіе сознанія. *На днѣ души каждого лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ горѣть ярко—придетъ роковая минута, она вспыхнетъ пламенемъ и освѣтить великія дѣла.*

Итакъ, вотъ разгадка! Вотъ объясненіе возможности геройства и признаніе его дѣйствительного существованія. Стыдливый юнкеръ и безстыдный трусь Болховъ уже никого не заставятъ усомниться въ возможности доблести въ душѣ человѣческой.

Само собою разумѣется, что присутствіе душевной доблести не могло быть подвергнуто сомнѣнію гр. Толстымъ—въ простомъ народѣ, не въ средѣ юнкеровъ, волонтеровъ и офицеровъ, а въ средѣ простыхъ солдатъ. Здѣсь дѣло было столь же ясное, какъ и относительно капитана Хлопова. Храбрость была на лицо, и оставалось только изучать ее. Въ этомъ отношеніи найдется не мало прекрасныхъ изображеній у гр. Толстого. Величіе народнаго духа особенно поражаетъ въ первомъ севастопольскомъ разсказѣ „Севастополь въ декабрѣ 1854“. Это какъ будто первое неотразимое впечатлѣніе, которое потомъ забылось въ силу постояннаго и неизмѣннаго присутствія предмета, его производившаго, такъ что явилась возможность возникнуть колебаніямъ и грусти *второго* рассказа. Но, очевидно, заключеніе первого рассказа годится и для всѣхъ трехъ.

„Надолго—оканчиваетъ авторъ—оставить въ Россіи великие слѣды эта эпохея Севастополя, которой *героемъ былъ народъ русскій*...“

Итакъ, герой найденъ наконецъ. Герой несомнительный, въ которомъ ни разу не приходилось усомниться, рассказывая о которомъ, нельзя было ни разу окончить правдивую повѣсть грустнымъ вопросомъ: „кто же герой этой повѣсти“?

Намъ довелось бы долго черпать въ книгѣ, столь богатой поэзіею и наблюдательностию, какъ сочиненія гр. Толстого, если бы мы вздумали прослѣдить другія черты душевной жизни тѣхъ героевъ автора, на которыхъ устремлено его главное вниманіе, то-есть дѣтей нашего общества: Иртеньевыхъ, Олениныхъ, князей Нехлюдовыхъ и пр. Они больны, эти люди, одною болѣзнию—пустотою и мертвенностю души. Но у нихъ въ душѣ несомнѣнно танцуетъ *благородная искра*, которая стремится *вспыхнуть пламенемъ*, и только почему-то не находить нищи для своего огня. Если бы эта искра вспыхнула, она озарила бы прекрасную душевную жизнь; стремление къ этой жизни составляетъ мученіе этихъ душъ.

Насколько нашъ общий духовный складъ, наше образованіе, образъ мыслей и чувствъ или отсутствіе мыслей и чувствъ въ нашемъ обществѣ содѣйствуютъ порожденію такихъ болѣзнищихъ явлений—вопросъ, который мы не будемъ решать, но который ясно затрагивается этими явленіями.

Но еще интереснѣе вопросъ: какія живыя начала обнаруживаются здѣсь русская душа, какой нравственный и эстетический складъ она проявляетъ, выбиваясь изъ-подъ какого-то давящаго ее недуга?

Н. Страховъ.

1867 г.

*) Къ числу самыхъ рѣдкихъ явлений въ нашей литературѣ принадлежитъ *Тысяча восемьсотъ пятый годъ*, графа Льва Толстого. Такія явленія освѣжаютъ, какъ дождь послѣ засухи. Они даютъ намъ возможность отдохнуть на минуту отъ вихря насущныхъ тревогъ и послѣ долгаго периода раздражительной, лихорадочной дѣятельности оглянуться въ раздумъи назадъ, на свое прошедшее.

Нужно ли говорить: какъ плодотворны подобного рода оглядки? Если жизнь политической единицы, какъ и жизнь

*) „Всемирный Трудъ“ 1867 г., № 6. Статья Н. Ахшарумова, подъ заглавиемъ: „1805 годъ, соч. графа Льва Толстого“.